

Празднество, устроенное госпожой Цинхэ, принесло «Обители Бессмертного Чайника» подлинную славу. С того самого дня порог лавки обивали исключительно знатные матроны да избалованные дочери высокородных господ. Подобные гости денег не считали — они требовали лишь безупречного результата, сколько бы он ни стоил.

Цан Доушань с головой ушел в тонкости ремесла, стремясь довести изготовление пудры и косметических белил до абсолютного совершенства. Работа кипела без умолку: качество товара должно было оставаться безупречным, дабы оправдать те несусветные, откровенно грабительские цены, которые Вэйшэн заламывал без зазрения совести.

Сам же Вэйшэн ежедневно пересчитывал серебро, аккуратно сводил счета, а в редкие часы досуга предавался медитации. Спустя пару месяцев упорного труда он ощутил, что накопил достаточно сил для качественного рывка — перехода на ступень Посвящения. И помочь ему в этом должно было Черное море.

Бескрайнее Черное море встретило его привычным штилем. Усевшись на берегу со скрещенными ногами, юноша мысленно обратился к дыхательной технике, которой его обучил Цан Доушань. Ледяные воды тут же отозвались, обращаясь в первозданную духовную энергию. Потоки силы беспрепятственно хлынули в его тело, струясь по меридианам столь естественно и мягко, словно всегда были неотъемлемой частью его существа.

Именно сегодня ему предстояло преодолеть заветный порог.

«Не слишком ли все это легко дается, — порой думал он, — ведь подобная щедрость пугающе походит на сладкую приманку в искусно расставленном капкане».

И все же пьянящий вкус силы, доставшейся без изнурительного труда, был слишком сладок. Отказаться от нее теперь казалось выше его сил. До сих пор никаких бед не случилось.

Колоссальные объемы духовной энергии неудержимой лавиной обрушились на заставу духа, сокрушая преграды. Невидимая дверь, ведущая в Обитель Дао, поддалась, приоткрываясь дюйм за дюймом, пока лазейка не расширилась настолько, что он смог протиснуться внутрь.

Граница была пройдена. Посвящение состоялось.

Перед его мысленным взором раскинулось пространство Дао, разделенное на черную и белую половины, которые медленно вращались в вечном танце. Вэйшэн замер у самого края этой бездны. Стоило ему накопить еще немного мощи, и он сможет сделать шаг в это черно-белое колесо, чтобы подставить душу под очищающие удары Неба и Земли. Тогда он станет истинным практиком — «мастером», обретшим гармонию Инь и Ян на ступени Двух Рыб.

Немного освоившись в этом пространстве, он вернулся в реальный мир. Открыв глаза, Вэйшэн шумно выдохнул застоявшийся воздух. В голове прояснилось, тело налилось легкостью и силой.

Путь Дао теперь лежал перед ним открытым. Жаль только, что Цан Доушань в этот час крепко спал, иначе Вэйшэн непременно нашел бы повод покрасоваться перед ним своими успехами.

Он повернул голову. Бледный лунный свет мягко очерчивал профиль спящего Цан Доушаня, позволяя разглядеть даже тончайший золотистый пушок на его щеке.

Вэйшэн залюбовался им, и в голову невольно закралась мысль.

«А не пора ли нам обзавестись второй кроватью?»

В самом деле, деньги в кошельке завелись, так к чему тесниться на этом убогом ложе? Да и погода стояла теплая, самое время спать раздельно.

Юноша еще немного поразглядывал чужой профиль, а затем осторожно, одними кончиками пальцев, провел по щеке спутника. Кожа оказалась нежной и прохладной, словно свежий соевый творог. Слегка потешив душу этой невинной вольностью, Вэйшэн со спокойным сердцем закрыл глаза и уснул.

Наутро Цан Доушань поднялся ни свет ни заря и сразу принялся за варку свежего персикового меда и притираний для лица. Вэйшэн же неторопливо отпер тяжелые ставни, готовясь к новому дню, и первые покупатели не заставили себя долго ждать.

Торговля сегодня спорилась на удивление бойко. Самый ходовой товар — цветочная пудра, которой было заготовлено больше всего, — разошлась в мгновение ока. Следом подчистую вымели баночки с помадой и ароматными притираниями. Дело дошло до того, что свежую порцию персикового меда, которую Цан Доушань только-только снял с огня, расхватили по баснословной цене прямо из общего чана, даже не дав толком разлить по флаконам.

Закончив с делами задолго до заката, они заперли лавку. У Цан Доушаня выдалось на редкость благодушное настроение: отложив ступку и пестик, он вызвался похозяйничать у плиты.

Вэйшэн, устроившись в передней за подсчетом дневной выручки, крикнул в сторону кухни:

— Сходишь со мной после обеда на Восточный рынок?

Цан Доушань, зажав нос от едкого дыма, помешивал что-то в чане.

— Чего мы там не видели?

— Кровать хочу присмотреть, — отозвался юноша. Подумав, он поправился: — Точнее, две.

— Ладно, сейчас закончу и поговорим! — закашлялся от дыма Цан Доушань.

Вэйшэн аккуратно отсчитал монеты, отложив нужную сумму на покупку мебели. Прислушавшись к доносившимся из кухни хрипам, он громко спросил:

— Ты там что, перец чили жаришь?

— Морковь с луком!

— Да ну тебя, дай я сам, — вздохнул Вэйшэн.

Он поднялся, прошел в кухню и решительно отобрал у горе-повара лопатку. Несколько уверенных взмахов над сковородой — и лук дошел до полуготовности. Вэйшэн выложил стряпню на тарелку и принес к столу.

Цан Доушань зачерпнул палочками немного овощей, попробовал и недоуменно уставился на товарища:

— Ты соль-то положить забыл?

— А сам-то что делал?

Они молча уставились друг на друга. Вэйшэн вздохнул и забрал тарелку:

— Ладно, пойду до ума доведу.

Когда блюдо вернулось на стол, соль в нем уже присутствовала, зато лук безнадежно обуглился. Наскоро перекусив тем, что получилось, они окончательно заперли лавку и отправились на Восточный рынок.

Казалось бы, дело пустяковое. Торговые ряды ломились от готовой мебели, а если кому-то не подходил размер или узор — мастера брались изготовить вещь на заказ всего за пять дней, да еще и с доставкой на дом. Однако у прилавков Вэйшэн внезапно превратился в невыносимого привереду. Любая кровать, которую Цан Доушань находил вполне приличной, в глазах его спутника тут же обрастала кучей изъянов: то дерево слишком сухое, то резьба грубая, то ножки шатаются. В конце концов тот капризно заявил:

— Всё не то, уходим.

Под конец Цан Доушань окончательно потерял терпение — дома его ждало незаконченное дело.

— Да что тебе вообще нужно? — раздраженно спросил он.

Вэйшэн ткнул пальцем в случайную сторону:

— А вот та как тебе?

Взгляд его упал на просторную бамбуковую кровать: простая работа, скромный вид, вполне сходная цена. Цан Доушань подошел ближе, пощупал гладкие стебли, подергал раму и, усевшись прямо на ложе, принялся ожесточенно торговаться с лавочником. Спустя пару минут они ударили по рукам.

На обратном пути Цан Доушань заподозрил неладное.

— погоди, мы разве не собирались брать две кровати?

— Деньги кончились, — не моргнув глазом соврал Вэйшэн. — Нам еще материалы закупать, да и на еду с одеждой уходит уйма серебра. Траты-то растут.

Цан Доушань, не искушенный в финансовых вопросах, легко поверил:

— А, вот оно что... Ну тогда со следующей выручки купим.

Цан Доушаня заботило лишь само ремесло, тогда как продажами, закупками и прочей бумажной волокитой заправлял Вэйшэн. Держа в руках весь семейный бюджет, лукавый юноша мог легко утаить истинные доходы Обители, о которых его простодушный друг не имел ни малейшего представления.

На следующий день, едва бамбуковое ложе доставили в дом, Цан Доушань с детским восторгом застелил его чистым бельем и тут же улегся поубедиться в прочности, довольно раскинув руки.

— До чего же хороша!

Вэйшэн, прислонившись к дверному косяку, скрестил руки на груди. Он мягко улыбнулся.

— Рад, что тебе угодил.

— Тогда я буду спать здесь, а тебе останется старая, хорошо? — Цан Доушань обнял пухлую подушку и так лучезарно улыбнулся, что у Вэйшэна перехватило дыхание. — И деньги целее будут!

Юноша кивнул прежде, чем успел подумать:

— Договорились.

Ночью, лежа на узкой жесткой лежанке и глядя на холодный диск луны в окне, Вэйшэн всерьез усомнился в собственном рассудке. В комнате было зябко, а на душе — на редкость тоскливо и одиноко.

«Где-то я явно просчитался...»

Но отступать было поздно. Оставалось лишь беззвучно проклинать себя за длинный язык и глупое упрямство.

Дела в Обители процветали. Вскоре Цан Доушань перестал справляться с заказами в одиночку, и Вэйшэн нанял двоих расторопных помощников. Избавившись от изнурительного ручного труда, мастер наконец вздохнул свободно: теперь у него появилось время для духовных практик, а по вечерам он обучал друга грамоте.

С ростом славы к Цан Доушаню прицепилось странное прозвище — Цветочный господин. Оно быстро разлетелось по округе, став предметом досужих шуток. Сам мастер терпеть не мог это именование, считая его слащавым и недостойным мужчины. На званых обедах у госпожи Цинхэ над ним то и дело беззлобно подшучивали по этому поводу, но, к счастью, прозвище не прижилось надолго и вскоре забылось.

В остальном же их жизнь текла на редкость безмятежно и сладко.

Так незаметно пролетело несколько месяцев. Наступила осень. Переулок Цветочной Чашечки утопал в густом, медовом аромате цветущего османтуса. Вдыхая этот воздух, Цан Доушань ловил себя на странном ощущении: запах словно изменился, сделался глубже, с едва уловимой фруктовой кислинкой.

Вэйшэн на кухне томил целебную грушевую пасту, а подмастерья в мастерской до седьмого пота просеивали нежную цветочную пудру. Запахи смешивались, окутывая лавку плотным, дурманящим облаком.

В один из дней порог Обители переступил вестник с самым крупным заказом за всю историю лавки. Павильон Благосклонной Луны требовал снабдить румянами и пудрой всех своих девиц — а их там насчитывалось более двух сотен, и каждой подавай притирания особого сорта.

Пришлось не только корпеть над огромным заказом, но и умудряться обеспечивать привычный приток товара для розничных покупателей. Цан Доушань целыми днями гонял помощников, да и Вэйшэну пришлось засучить рукава и встать к ступке. Больше полумесяца они трудились не покладая рук, пока последняя коробка не была упакована и отправлена заказчикам.

Хозяйка Павильона Благосклонной Луны, женщина преклонных лет, но все еще сохранившая

остатки былой красоты, лично явилась за товаром. Она долго держала Цан Доушаня за руки, расточая приторные благодарности, от которых у Вэйшэна по спине поползли мурашки. Не выдержав, юноша сердито перебил ее:

— Да хватит уже соловьем заливаться! Мы из-за вас две недели сна не знали!

Околоточная матрона тут же картинно надула губы:

— Ах, доля наша женская, горькая... Торгуем телом, ласки хорошей не знаем, да еще и приличных румян не сыскать! Какое счастье, что на свете есть столь великодушный господин, не погнушавшийся нашей нижайшей просьбой...

Она деланно всхлипнула, заставив Вэйшэна окончательно ощетиниться.

Цан Доушань тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Кое-как успокоив гостью вежливыми словами, он поспешил проводить ее к выходу. Прощаясь, сваха игриво помахала надушенным платком:

— Заглядывайте к нам на досуге, молодые господа! Уж мы-то встретим вас как родных!

Едва ее нарядный экипаж скрылся за поворотом, Вэйшэн сплюнул под ноги:

— Проводница греха! Тьфу!

— Серебро не пахнет, — философски заметил Цан Доушань, возвращаясь в дом. — Ты, кстати, утренний урок переписал?

—...

— Чего стоишь? Живо за стол!

За бесконечной суетой Цан Доушань напрочь выкинул эту встречу из головы. Когда через несколько дней посыльный принес изящно оформленное приглашение, мастер долго не мог сообразить, откуда ему знаком этот Павильон Благосклонной Луны.

— Веселый дом зовет, — усмехнулся Вэйшэн, заглядывая через плечо. — Ну что, пойдем?

Цан Доушань смерил его строгим взглядом:

— А сам как думаешь?

— Раз там будут кормить, я только за, — беззастенчиво ухмыльнулся юноша.

Цан Доушань свернул бумагу в трубку и несильно щелкнул его по лбу:

— Тебя за миску похлебки продать можно. Где твоя гордость?

— Брюхо гордостью не набьешь, — рассмеялся Вэйшэн, уворачиваясь.

В итоге они все же отправились. Цан Доушань поначалу опасался, что визит в столь сомнительное заведение очернит доброе имя их Обители, но, прибыв на место, обнаружил среди гостей немало знакомых лиц. Оказалось, Павильон Благосклонной Луны пользовался немалой популярностью у местной знати.

Хозяйка заведения заметила их еще с порога. Помахивая бедрами, она поплыла навстречу:

— Ах, драгоценные гости! Прошу, поднимайтесь на второй ярус, оттуда открывается самый чудесный вид!

Вэйшэна интересовали исключительно подносы с угощениями, поэтому на пеструю толпу внизу он даже не глядел. А вот Цан Доушань, бросив случайный взгляд на полуобнаженных девиц, танцующих на сцене, почувствовал, как мочки его ушей предательски запылали.

— Желают ли господа, чтобы их развлекли наши лучшие красавицы? — сладко пропела матрона. — Девочки просто без ума от вашей пудры, только и мечтают выразить почтение лично!

— Премного благодарны, но не стоит, — отрезал Цан Доушань. — Я предпочитаю покой.

Женщина перевела взгляд на его спутника, но Вэйшэн тут же закивал:

— Я с ним заодно!

Настаивать хозяйка не стала и провела их в уединенную ложу на верхнем ярусе. Здесь было просторно и прохладно, а на столе уже красовалось множество изысканных закусок. Вэйшэн удовлетворенно потер руки и принялся уплетать яства за обе щеки.

Цан Доушань первое время сидел натянутый как струна, содрогаясь от каждого взрыва хохота внизу, но постепенно расслабился. Его внимание привлекло представление на сцене: сегодня в Павильоне выступала лучшая театральная труппа округа Вэньцзинь. Даже далекий от высокого искусства мастер заслушался плавными переливами их голосов.

Пока на сцене кипели страсти, Вэйшэн успел приговорить половину угощений. Хрупкая служанка в нарядном платье бесшумно прибирала пустые тарелки, расставляя свежие фрукты.

— Не желают ли молодые господа заказать чаю? — робко спросила она, не смея поднять глаз.

— Какой еще чай? Неси вина, — буркнул Вэйшэн.

Девочка жалобно шмыгнула носом:

— Господин, прошу вас, возьмите хотя бы два чайника... Сжальтесь.

Ее затравленный вид тронул юношу.

— И сколько стоит твой чай?

— Тридцать медных монет за чайник.

— Сколько?! — Вэйшэн чуть не поперхнулся куском дыни. — Вы его из золотых листьев завариваете? Да на эти деньги можно кусок отборной свинины купить!

Служанка едва не расплакалась:

— Если я не продам норму, меня вечером забьют до полусмерти... Умоляю, господин, проявите милость!

Вэйшэн нерешительно глянул на друга. Цан Доушань вздохнул: обман был шит белыми нитками, но девчушка и впрямь выглядела несчастной. Выбор стоял между чужой спиной и собственным кошельком. Не желая брать грех на душу, он переложил ответственность:

— Деньги у тебя, тебе и решать.

Вэйшэн еще раз посмотрел на исхудалое личико служанки, в чьих глазах уже дрожали слезы, сокрушенно вздохнул и выгреб из кармана пригоршню монет:

— Ладно, неси свой чай. И кувшин вина в придачу.

Девчушка мгновенно преобразилась и упорхнула, вернувшись через минуту со скромным подносом.

Душистый чай достался Цан Доушаню, а хмельной кувшин прибрал к рукам Вэйшэн. Вино в

заведении оказалось легким, с приятным сладковатым послевкусием, и пилось удивительно легко. Юноша и сам не заметил, как осушил кувшин до дна. Алкоголь быстро ударил в голову, перед глазами все поплыло. Кое-как нащупав руку Цан Доушаня, он невнятно пробормотал:

— Мне надо... это... выйти.

Шум вокруг стоял невообразимый, и мастер не разобрал слов:

— Чего тебе?

— В уборную надо, говорю!

— Наказание ходячее, — проворчал Доушань.

Придерживая шатающегося товарища за плечи, он расспросил проходившую мимо служанку о дороге и потащил мертвецки пьяного юношу по темным коридорам. На месте ему пришлось чуть ли не штаны с него стягивать — настолько тот не держался на ногах.

Но стоило им выйти обратно на галерею, как Цан Доушань застыл как вкопанный. Пока они возились в уборной, благопристойный фасад Павильона окончательно рухнул. В полумраке коридоров и лож творилось нечто невообразимое: гости и девицы предались самым бесстыдным ласкам, ничуть не скрываясь от посторонних глаз.

Хотя душой Цан Доушань давно разменял второй век, тело его оставалось невинным, а познания в делах плотских ограничивались книжной теорией. Столкнувшись лицом к лицу с этой вакханалией, бедный мастер почувствовал себя так, словно в него ударила молния. Дыхание перехватило, а он густо покраснел от стыда.

Схватив бесчувственного друга за шиворот, он буквально поволок его к выходу, стремясь как можно скорее покинуть этот вертеп. Вэйшэн, безвольно повиснув на его плече, хмельно улыбнулся и уткнулся носом ему в шею:

— Цан Доушань... Цан Доушань...

— Чего тебе еще?! — сердито буркнул мастер.

— Как же от тебя сладко пахнет, — пробормотал пьяный юноша, бесцеремонно сгребая его поперек талии и утыкаясь подбородком в плечо. — Ну-ка, улыбнись своему господину...